

Диалог ЕАЭС – ЕС: перспективы и риски

Влияние глобальных факторов на возможную «интеграцию интеграций»

Диалог между интеграционными образованиями ЕАЭС и ЕС будет развиваться, поскольку отражает общую тенденцию противостояния усиливающимся глобальным вызовам. Факторы, тормозящие данный процесс, связаны в большой степени с интересами других крупнейших государств, проводящих активную политику по разделению сфер влияния.

Александр ГАЙШУН,
политолог

Сложные экономические и социально-политические процессы глобального уровня создают новую реальность и для государств, недавно относившихся ко второму и третьему миру, а ныне стремящихся укрепить свои позиции в том числе и через участие в различных интеграционных проектах.

Но возможен ли полноценный «интеграционный диалог» между ЕАЭС и ЕС? И насколько актуален «фактор Китая» для государств ЕАЭС?

Начнем со второго вопроса, который все более актуализируется в контексте формирующегося нового мирового расклада. С «фактором Китая» ныне приходится считаться всем. Экономическая и военная мощь азиатского гиганта позволяет претендовать на мировое лидерство,

и это обстоятельство все более тревожит глобальных конкурентов. Состоявшийся 14–15 мая 2017 года в Пекине с участием лидеров 29 стран мира форум «Один пояс – один путь» стал, в сущности, концентрированным ответом на пятилетнюю программу Запада по экономическому сдерживанию Поднебесной. Как известно, США и Европейский союз в последние годы предприняли ряд скоординированных шагов по созданию региональных закрытых интеграционных сообществ, которые (например, Транстихоокеанское партнерство, торговое соглашение ЕС и Японии) изначально были ориентированы на изменение действующих норм ВТО в ущерб экономическим интересам Китая.

Последовавшая концепция «Экономического пояса Шелкового пути» стала вынужденным, но давно спрогнозированным ответом Пекина на действия глобальных конкурентов, причем вначале она имела характер специальной информационно-психологической операции. Однако в 2015–2017 годах шесть объявленных руководством КНР экономических коридоров стали наполняться весьма весомым финансированием, и в нынешней реальности намерения Китая уже не представляются планами на отдаленное будущее.

В контексте сложившейся мировой реальности инициатива «Один пояс –

ОБ АВТОРЕ

ГАЙШУН Александр Николаевич.

Родился в 1971 году в г.п. Глуск Могилевской области.

Окончил исторический факультет Белорусского государственного университета (1994). Преподавал историю в школах Бобруйска и Глуска, работал заведомом городской общественно-политической газеты «Бабруйскае жыццё» (2004–2014), помощником заместителя председателя Постоянной комиссии Палаты представителей Национального собрания Республики Беларусь по здравоохранению, физической культуре, семейной и молодежной политике (2012–2016).

С 2014 года – начальник отдела по делам молодежи, воспитательной и идеологической работе Бобруйского филиала Белорусского государственного экономического университета, с 2017 года – ведущий специалист по информационной работе ОАО «Красный пищевик».

Автор 17 научных публикаций.

Сфера научных интересов: вопросы информационно-психологической безопасности, политические процессы в современном мире.

один путь» – сильнейший вызов сохраняющимся амбициозным устремлениям Запада. Общее впечатление конкурентов наверняка усилил проект российского лидера В. Путина под названием Евразийское партнерство [1, с. 5–6].

Сказав в ходе своего выступления в Пекине несколько необходимых слов об «общепризнанных интеграционных правилах и прозрачности», Президент РФ обозначил контуры нового проекта: «ЕАЭС, ШОС и «Шелковый путь» – основа для евразийского партнерства». При этом, как подчеркнул В. Путин, «новой парадигмой, вокруг которой может строиться новая реальность на континенте, может стать Евразийский экономический союз». Большое «евразийское партнерство видится в сложении потенциалов таких интеграционных форматов, как ЕАЭС, «Один пояс – один путь», Шанхайская организация сотрудничества, Ассоциация государств Юго-Восточной Азии», а главная цель – обеспечение быстрого, удобного и необременительного движения товаров на огромном пространстве [2]. Евразийское партнерство, на взгляд Президента России, изменит «политический и экономический ландшафт континента», принесет мир в Евразию, стабильность и процветание.

Президент Беларуси А. Лукашенко отметил стабилизирующее влияние Китая на мировую экономику и «добрые намерения», с которыми влиятельное государство Азии приходит в страны, формирующие коридоры «Экономического пояса Шелкового пути».

Таким образом, Евразийское партнерство может рассматриваться как возможность усиления геополитического влияния постсоветских государств и повышения их экономической конкурентоспособности в глобальном окружении. Ядром проекта, как уже отмечалось выше, предполагается Евразийский экономический союз.

Заметим, что создание Евразийского экономического союза стало выражением проводимой Россией, Беларусью и Казахстаном политики многовекторной

интеграции (например ШОС, БРИКС). Данное понимание присутствует и в государственной политике Армении и Кыргызстана.

При этом государства ЕАЭС все больше заинтересованы в экономическом сближении с ЕС, несмотря на очевидную проблемность отношений во внешнеполитической сфере.

Например, на состоявшейся в июне 2017 года восьмой встрече глав внешнеполитических ведомств стран – членов Европейского союза и стран – участниц инициативы ЕС «Восточное партнерство», глава МИД Беларуси В. Макей заявил о необходимости развития «взаимодействия между евразийской и европейской интеграционными платформами, сохранения и развития «Восточного партнерства».

При этом министр заметил, что Беларусь выступила с идеей «глобального миротворческого процесса в целях согласования взаимоприемлемых условий сосуществования государств при надлежащем учете интересов малых и средних стран» [3].

Напомним, что расширенное экономическое взаимодействие двух крупнейших, граничащих друг с другом интеграционных объединений – ЕАЭС и ЕС является составной частью глобальной союзной идеи «интеграции интеграций», предложенной белорусским Президентом А. Лукашенко еще в начале запуска самого крупного межгосударственного

экономического проекта на постсоветском пространстве.

Первым значительным ее выражением стала передача в Еврокомиссию в середине октября 2015 года предложений Евразийской экономической комиссии по сопряжению интеграционных процессов ЕС и ЕАЭС. Тогда же председатель Еврокомиссии Ж.-К. Юнкер ознакомился и с меморандумом «Евразийский экономический союз – Европейский союз: контуры сотрудничества» [4].

Реакция европейских политиков прогнозируемо была сдержанной: экономическая целесообразность диалога столкнулась с непростыми политическими условиями, которые возникли из-за острого украинского кризиса и войны в Сирии.

В течение последующих полутора лет шли активные консультации подразделений Евразийской экономической комиссии с промышленными объединениями крупнейших государств ЕС, и безусловным достижением стало продвижение интеграционной идеи в Германии. В 2017 году бизнес-круги этого мощного государства ЕС были уже не столь пессимистично настроены по отношению к инициативам ЕЭК, как ранее [5].

Показательно, что все больше проявляются интеграционные настроения бизнес-кругов большинства стран старой Европы в направлении экономического взаимодействия с ЕАЭС, особенно после воплощения в реальность дезинтеграционной инициативы Великобритании. Цели Лондона все чаще не совпадают с позицией Берлина и Парижа – это во многом и привело к кризису в ЕС.

Как представляется, эти мотивы во многом стали следствием глобальных вызовов, с которыми столкнулись и государства ЕС, и страны, образовавшие в 2015 году ЕАЭС.

Поэтому кстати рассмотреть основные тенденции, характеризующие современное экономическое, социально-политическое развитие мира в первой четверти XXI века.

Прежде всего, необходимо отметить такое явление, как глобализация. Суще-

ствует несколько определений современного мощного мирового преобразователя. Вполне предметное, как представляется, сделал российский ученый-американист А. Уткин: «Глобализация – слияние национальных экономик в единую, общемировую систему, основанную на новой легкости перемещения капитала, на новой информационной открытости мира, на технологической революции, на приверженности развитых индустриальных стран либерализации движения товаров и капитала, на основе коммуникационного сближения, планетарной научной революции, межнациональных социальных движений, новых видов транспорта, реализации телекоммуникационных технологий, интернационального образования» [6, с. 48–49].

Многие исследователи рассматривают глобализацию как безусловно позитивный и объективный процесс. Однако одностороннее понимание глобального мирового явления влечет за собой ошибочные оценки, которые очень часто приводят к государственным решениям в ущерб национальным интересам. Одно из главных негативных следствий глобализации – это то, что транснациональные корпорации и так называемые неправительственные организации без помех пересекают национальные границы и фактически управляют населением менее развитых государств. На взгляд американского специалиста в области международных отношений Дж. Розенау, это связано с тем, что «ни национальные правительства, ни локальные власти не смогут собственными силами справиться с проблемами, порожденными растущей взаимозависимостью» [7, с. 115].

Подчеркнем: в странах и Европы, и постсоветского пространства есть немало примеров подобного управления. Более того, по инициативе и при финансировании «актеров вне суверенитета» в ряде государств провоцируются острые социальные конфликты, которые приводят к гражданскому противостоянию с использованием средств насилия.

Заслуживает внимания точка зрения на глобализацию известного российского

экономиста академика С. Глазьева, который не раз обращал внимание на то, что «основным двигателем глобализации стала Уолл-стрит» [8]. Это и дает основания утверждать, что идеология глобализации является идеологией преимущества одного западного государства, то есть США. Бывший руководитель внешнеполитического ведомства крупнейшей страны Запада Г. Киссинджер, а ныне один из влиятельных членов «Комитета-300», недавно заметил, что в основе мировой политической структуры по-прежнему лежит отдельное государство [9]. Это объективная констатация, а потому весьма ценная.

Таким образом, глобальные международные институты, неправительственные организации никак не могут рассматриваться в качестве гарантов национальной безопасности, так как главную роль в направлении их деятельности играют ведущее государство Запада, а также выражающие его интересы транснациональные группы, главная цель которых – сохранение однополярного мира. В связи с этим уместно будет привести мнение Э. Хобсбаума, который констатировал: национальное государство пытается защититься «от влияния мировой экономики, которую оно не в состоянии контролировать, а также от международных институтов, созданных ради преодоления его внешнеполитической слабости» [10]. Как показывает анализ исторического развития государств второго и третьего мира в XXI веке, чаще всего эти попытки не приводят к ожидаемым результатам. Напротив, усилиями глобалистов создаются условия для «игры по их правилам»: выделяются финансовые кредиты, связанные с обязательным исполнением требований о «структурных перестройках» экономики и системы государственного управления, вводятся санкции, активно финансируется «пятая колонна», проводятся мероприятия по международной изоляции и, безусловно, реализуются программы информационного подавления, причем как на региональном, так и глобальном уровне.

Следующая тенденция связана с неравномерностью развития государств и наций. Именно она в большой степени угрожает внешне благополучному миру Запада.

Характер материального противостояния разных геополитических миров отражен во многих исследованиях, тем более что эта проблема относится к так называемым «вековым конфликтам». Благосостояние «золотого миллиарда» активно формировалось начиная с нового времени, и в начале прошлого века это превосходство увеличилось в 9 раз. Через сто лет уровень материального благополучия богатых государств по сравнению с бедными является собой непреодолимую пропасть, так как выше в десятки раз. В декабре 2017 года популярное издание *Le Monde* опубликовало материал, основанный на анализе первого доклада о мировом неравенстве, подготовленном сотнями экономистов из разных стран, объединившихся в рамках Всемирной базы данных о богатстве и доходах. Один из выводов: «Без активного реагирования со стороны государств неравенство продолжит углубляться в ближайшие десятилетия... с такой скоростью в 2050 году доля имущества 0,1 % самых богатых (в Китае, внутри Евросоюза и в США) будет такая же, как доля всего среднего класса» [11].

При таких тенденциях уровня жизни граждан Дании и Голландии, Швеции, Австралии, Великобритании, Франции, Германии, Норвегии и США жителям бедных стран в обозримом будущем не достичь; более того, на протяжении последней четверти века не состоялось никакого приближения даже со стороны «мира», который некогда был на ступеньку ниже. Однако следует признать, что для государств «второго эшелона» шансы возрастают – во многом благодаря их интеграционным инициативам. ШОС, БРИКС, АСЕАН, МЕРКОСУР и ЕАЭС имеют хороший потенциал для изменения экономического миропорядка.

Подчеркнем, что фактор неравномерности развития оказывает прямое негативное влияние на безопасность не

только отдельных стран, но и регионов, и в целом планеты. По мнению экспертов, на страну с годовым доходом на душу населения «в 250 долларов США и меньше приходится 15-процентный риск разгорания внутреннего конфликта в ближайшие пять лет» [6, с. 143].

Отметим еще одну глобальную тенденцию, которая все больше представляется «этноконфессиональным вызовом».

Практически все современные конфликты возникают (чаще инспирируются) в том числе и из-за противоречий на межнациональной и религиозной почве. Многие тенденции мирового развития говорят о том, что в первой половине XXI века будет идти острая культурологическая борьба между наиболее влиятельными конфессиями и новыми религиозными организациями. Воздействовать на исход этой битвы крайне трудно, что вполне подтверждает весь ход развития земной цивилизации. Подчеркнем, что религиозная радикализация происходит

из-за неспособности многих государств обеспечить устойчивое экономическое развитие в условиях глобализации. Возникающие настроения отчужденности в обществе приводят к острым конфликтам, гражданскому противостоянию. Главный мировой пример – Ближний Восток. На постсоветском пространстве в этом смысле обращает на себя внимание опыт Украины, Грузии, Армении, Молдовы.

Данная угроза относится и к Европейскому союзу. То, что Старый Свет оказался под ударом массовой миграции представителей ментально чуждого мира и перспективы этого проникновения позволяют многим исследователям говорить о возможном образовании в будущем лишенных прежней идентичности государств, уже состоявшееся явление. Фактически сегодня речь идет о сохранении национальной идентичности государствами Старой Европы, и это кардинально меняет настроения не только политического истеблишмента, но и в целом населения важной географической части доселе благополучного Запада. Ярко выражена данная тенденция в Великобритании, Нидерландах, Франции и все более в Германии.

Противоречивое, конфликтное постсоветское пространство ЕС не нужно, украинский опыт все более убеждает в этом европейских политиков. Перспектива криминализации огромной территории с падением контроля над ней государственных институтов, возможный наплыв мигрантов-люмпенов – это то, чего ныне особенно опасаются в Европе.

Потребность же в экономическом сотрудничестве с государствами ЕАЭС все более возрастает.

Диалог между ЕС и ЕАЭС определенно будет развиваться, поскольку отражает и общую тенденцию противостояния усиливающимся глобальным вызовам. Экономических же оснований достаточно. Факторы, тормозящие данный процесс, связаны преимущественно с интересами других крупнейших государств, проводящих активную политику по разделению сфер влияния в мире. ▀

ЛИТЕРАТУРА

1. Гайшун, А. «Евразийское партнерство» и риски ЕАЭС / А. Гайшун // Диалог: политика, право, экономика. – 2017. – № 4. – С. 5–10.
2. Путин, В. Евразийское партнерство изменит ландшафт континента [Электронный ресурс] / В. Путин. – Режим доступа: <https://www.souzveche.ru/articles/economy/37117/>. – Дата доступа: 31.10.2017.
3. Макей призвал ЕС продолжить диалог и сотрудничество с Минском [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://news.21.by/economics/2017/06/19/1343662.html>. – Дата доступа: 09.11.2017.
4. ЕАЭС предложил Евросоюзу начать интеграцию [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://dev.mir24.tv/news/13386770/eaes-predlozhit-evrosoyuzu-nachat-integraciyu>. – Дата доступа: 29.04.2017.
5. Между ЕАЭС и ЕС существует серьезный потенциал для сотрудничества в промышленной сфере [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.alt.ru/ts_news/51250/. – Дата доступа: 29.04.2017.
6. Уткин, А.И. Новый мировой порядок / А.И. Уткин. – М.: Алгоритм, Эксмо, 2006. – 639 с.
7. Rosenau, J.N. Along the Domestic – Foreign Frontier: Exploring Governance in a Turbulent World / J.N. Rosenau. – New York: Cambridge University press, 1997. – 460 p.
8. Маслов, О.Ю. Глобализация [Электронный ресурс] / О.Ю. Маслов. – Режим доступа: <https://oko-planet.su/first/18759-oleg-maslov-globalizaciya.html>. – Дата доступа: 04.05.2017.
9. Генри Киссинджер о Новом мировом порядке [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://kaleidoscopelive.ru/novosti/genri_kissindzher_o_novom_mirovom_poryadke/. – Дата доступа: 04.05.2017.
10. Хобсбаум, Э. Эпоха крайностей: Короткий двадцатый век (1914–1991) [Электронный ресурс] / Э. Хобсбаум. – Режим доступа: <https://coollib.com/b/297788>. – Дата доступа: 04.05.2017.
11. Шаррель, М. В мире бурно прогрессирует неравенство и существует угроза политической нестабильности [Электронный ресурс] / М. Шаррель, М. де Вержес, Ф. Эсканд // Le Monde. – Режим доступа: <https://www.inopressa.ru/article/14dec2017/lemonde/wtd>. – Дата доступа: 15.12.2017.